

цо, которое данное обстоятельство оспаривает. Это сопряжено с существенными имущественными и временными расходами.

В условиях агрессивной рекламы кредитных и иных услуг, повсеместной возможности приобретения большинства товаров и услуг в кредит, законодательство Республики Беларусь, регулирующее порядок предоставления потребительского кредита, носит диспозитивный характер. Фактически отсутствуют ограничения о согласии супруга при вступлении в кредитное обязательство другим супругом вне зависимости от лимита кредитования. Бремя доказывания, подтверждающее использование средств не в интересах семьи, лежит на стороне, претендующей на распределение долга. Не обеспечивается защита имущественных прав добросовестного супруга. В целях соблюдения основных принципов семейного права Республики Беларусь целесообразно включение в законодательство императивных норм относительно лимита кредитования без получения согласия супруга на наличие долговых обязательств другого супруга перед третьими лицами.

Библиографические ссылки

1. Обзор судебной практики: новый подход в практике рассмотрения дел о признании долговых обязательств одного из супругов общим долгом // [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2018.

КОЛЛИЗИОННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦАХ: СОСТОЯНИЕ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

Царева Людмила Васильевна,

доцент кафедры гражданского права Белорусского государственного университета (г. Минск), кандидат юридических наук, доцент
tsareva@bsu.by

Правовое регулирование юридических лиц в трансграничных отношениях базируется на том, что компания, созданная по праву определенной национальной правовой системы, приобретает статус субъекта права именно в рамках этой правовой системы. Право этого государства регламентирует условия и порядок создания компании, существенные признаки организационно-правовой формы, условия существования компании в качестве субъекта права, содержание правоспособности, прекращение и ряд иных вопросов. Определение правовой системы, которой соответствующая компания принадлежит и вопросов, которые ею регламентируются, – задача коллизионного права.

Коллизионное законодательство Республики Беларусь о юридических лицах представлено двусторонними и региональными между-

народными договорами Республики Беларусь и Гражданским кодексом Республики Беларусь (далее – ГК).

Международные договоры Республики Беларусь о правовой помощи по гражданским делам, как правило, содержат одну норму, посвященную анализируемому вопросу. Объем этой коллизионной нормы чаще всего формулируется как «правоспособность юридического лица». В единичных случаях используются формулировки «дееспособность юридического лица» (п. 2 ст. 16 Договора с Сирийской Арабской Республикой о правовой помощи по гражданским и уголовным делам (Дамаск, 23.09.2008 г.); «гражданская правоспособность и дееспособность юридических лиц» (п. 2 ст. 19 Договора с Чехословацкой Социалистической Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Москва, 12.08.1982), п. а ст. 11 Соглашения о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности (Киев, 20.03.1992 г.); «возникновение юридического лица» (ст. 35/В Договора с Венгерской Народной Республикой об оказании правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам (Москва, 15.07.1958). В качестве формулы прикрепления, как правило, закрепляется право страны, в соответствии с которым юридическое лицо создано либо право страны, по законам которого оно было учреждено. В соответствии с договором с Сирийской Арабской Республикой применению подлежит законодательство страны, на территории которой юридическое лицо было учреждено или зарегистрировано.

Имеются также международные договоры Республики Беларусь о правовой помощи по гражданским делам, которые не содержат коллизионных норм о юридических лицах (например, договор с Китайской Народной Республикой, договор с Сербией).

Гражданская правоспособность иностранного юридического лица определяется по праву страны, где учреждено юридическое лицо (п. 1 ст. 1112 ГК).

Коллизионные нормы Беларуси хоть и имеют ряд неидеальных формулировок, в целом бесспорно устанавливают использование критерия инкорпорации для определения права, применимого к правоспособности юридического лица. Следует согласиться с мнением авторов [1, с. 150], указывающих на некорректность положения ч. 2 п. 20 постановления Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь № 21 от 31 октября 2011 г. «О некоторых вопросах рассмотрения хозяйственными судами Республики Беларусь дел с участием иностранных лиц». Согласно названной норме юридиче-

ский статус иностранного юридического лица определяется по праву страны, где учреждено юридическое лицо (зарегистрировано или имеет свое основное местонахождение). Учитывая нацеленность постановления на обеспечение правильного и единообразного применения законодательства судами Республики Беларусь, представляется необходимым исключить текст, заключенный в скобки. Учреждение юридического лица предполагает его создание в соответствии с правом конкретного государства, то есть в организационно-правовой форме, известной праву данной страны и в соответствии с требованиями, которые предусмотрены ее законодательством. Местонахождение же может определяться на основании различных критериев. Ряд иностранных государств не запрещает размещать место нахождения постоянно действующего административного органа в стране, отличной от страны учреждения компании и, соответственно, не ставит правоспособность компании в зависимость от ее фактического местонахождения в данной стране.

Место учреждения юридического лица подтверждается, как правило, легализованной выпиской из торгового реестра (регистра) страны происхождения или иными эквивалентными доказательствами юридического статуса. При этом следует учитывать, что формы существования и взаимодействия иностранных юридических лиц, особенно в границах интеграционных образований, постоянно усложняются. Корпоративному праву стран ЕС известны трансграничные формы реорганизации юридических лиц, которые сопровождаются трансграничным правопреемством. Это не исключает возможность применения права разных государств к одной стороне правоотношения, когда права и обязанности стороны перешли от юридического лица одного государства к его правопреемнику – юридическому лицу иного государства. Наднациональные компании ЕС вправе переносить свое место нахождения (уставное и фактическое) по всему Европейскому Союзу. Такой перенос сопровождается изменением реестра, в который компания внесена, и сменой применимого права. Для белорусского суда это предопределяет возможность применения права разных государств к одному и тому же субъекту права в разные периоды существования последнего.

ГК 1998 г. впервые ввел в национальное законодательство понятие закона юридического лица [2, с. 114]. Законом юридического лица считается право страны, где это юридическое лицо учреждено (ст. 1111 ГК).

Указанная норма позволяет восполнить пробелы договорных коллизионных норм, имеющих очень узкие объемы, так как по закону

юридического лица определяются не только содержание правоспособности и возникновение юридического лица, но и целый ряд иных вопросов. Перечень таких вопросов не нашел отражения в ГК. Вследствие этого определение сферы действия закона юридического лица и отграничение правоотношений, не регулируемых данным статутом, полностью возлагается на суды.

Правоотношения, возникающие в ходе существования юридического лица, регламентируются различными правовыми институтами, отдельные имеют концептуально отличающиеся обоснования в праве различных государств. На данном этапе важно четко понимать природу спорных правоотношений и применять статут юридического лица именно к вопросам, характеризующим правовое положение юридического лица как субъекта права в государстве, которому оно принадлежит. Вопросы о соотношении статута юридического лица и обязательственного статута могут возникнуть при передаче прав участника компании на основании договора купли-продажи доли, при регулировании акционерного соглашения. Применительно к отчуждению акций может возникать дополнительный вопрос о соотношении с вещным статутом. Возможность вовлечения участников юридического лица в правоотношения между юридическим лицом и третьими лицами, может регулироваться в различных сочетаниях нормами корпоративного, договорного, деликтного права, правом о банкротстве, нормами о представительстве. [3]

Помимо разграничения видов правоотношений порой требуется определить соотношение между нормами одного вида на предмет их общего и специального характера. В деле *Simona Kornhaas v. Thomas Dithmar* [4] решался вопрос о разграничении сферы действия статута компании (*lex societatis*) и статута банкротства (*lex concursus*) применительно к вопросу о привлечении директора компании к ответственности. Несмотря на то, что именно закон юридического лица традиционно определяет условия и порядок привлечения органов к ответственности по долгам юридического лица, Суд ЕС пришел к выводу о необходимости применения к этим вопросам статута банкротства, так как компания находилась в стадии банкротства. По мнению Суда, эти нормы имеют специальный характер и «существенным образом отличаются от общих правил гражданского и торгового права, регулирующих деятельность компаний, а именно тем, что регулируют отношения на случай неплатежеспособности компании».

Во избежание разрозненных подходов к применению закона юридического лица в судебной практике видится целесообразным

совершенствование коллизионного законодательства о юридических лицах либо обеспечение открытого доступа к судебным решениям.

Библиографические ссылки

1. Маскаева, Н.Г. Коллизионное регулирование гражданско-правового статуса юридических лиц в Республике Беларусь / Н.Г. Маскаева, В.Н. Козлович // Актуальные проблемы международного публичного и международного частного права : сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2015. – Вып. 7. – С. 147–157.
2. Международное частное право: учеб. пособие / В.П. Мороз [и др.]; под ред. В.П. Мороза. – Минск: Адукацыя і выхаванне, 2016. – 496 с.
3. Асосков, А.В. Коллизионное регулирование снятия корпоративных покровов / А.В. Асосков // Консультант Плюс: Версия Проф [Электрон. ресурс] / АО "Консультант Плюс". – М, 2018.
4. Case C-594/14. Simona Kornhaas v. Thomas Dithmar. – EU:C:2015:806// Curia [Electronic resource]. – Mode of access: <http://curia.europa.eu>. – Date of access: 10.02.2018.

ПРОБЛЕМА ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО НАЛОГОВЫМ ПРАВОНАРУШЕНИЕМ

Шевченко Галина Николаевна,

профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Владивостокского
филиала Российской таможенной академии (г. Владивосток),

доктор юридических наук, профессор

sgn1959@mail.ru

Основанием возникновения деликтных обязательств, а соответственно, и деликтной ответственности, традиционно считается гражданское правонарушение, которое должно характеризоваться наличием следующих условий: причинение вреда, противоправное поведение правонарушителя, причинная связь между ними и вина правонарушителя. При этом противоправным рассматривается поведение, не соответствующее требованиям закона, а также всякое нарушение чужого субъективного права, повлекшее причинение вреда. Таким образом, нарушение норм частного права является деликтом, который влечет за собой наступление гражданско-правовой деликтной ответственности. Вопрос, может ли нарушение норм публичного права, а соответственно, и отношений, основанных на властном подчинении одной стороны другой и их субординации, повлечь за собой применение норм гражданского права, в частности, главы 59 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) долгое время оставался открытым. Так в юридической литературе неоднократно рассматривался вопрос об основаниях возникновения обязательства по возмещению вреда, причиненного преступлением.

В настоящее время насущной является проблема о возможности применения деликтной ответственности к лицам, привлеченным к